

Павлов Алексей Степанович

**Первоначальный славяно-
русский Номоканон**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Степанович П.**
Первоначальный славяно-русский Номоканон / Павлов Алексей Степанович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 104 с.

ISBN 978-5-521-26931-0

ISBN 978-5-521-26931-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СЛАВЯНО-РУССКИЙ НОМОКАНОНЪ.

Въ исторіи русскаго каноническаго права до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ: съ какого времени появился у насъ и вошелъ во всеобщее церковное употребленіе славянскій переводъ греческаго номоканона? Ученые, спеціально и самостоятельно занимавшіеся этимъ вопросомъ, отвѣчаютъ на него, повидимому—съ одинаковой вѣроятностью, указаніемъ на двѣ различныя эпохи. По мнѣнію митрополита Евгенія, славянская Кормчая принесена къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ другими церковными книгами,—при самомъ обращеніи Руси въ христіанство⁽¹⁾. Напротивъ, баронъ Розенкампфъ въ своемъ извѣстномъ «Обозрѣніи Кормчей книги» склоняется къ той мысли, что до второй половины XIII вѣка церковныя правила употреблялись у насъ почти исключительно въ подлинномъ греческомъ текстѣ⁽²⁾. Какъ

(¹) Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прилож. № 42, стр. 235. Кіевъ. 1825. Подробнѣе—въ «Словарѣ писателей дух. чина», подъ словомъ: Кипріанъ.—Взглядъ Евгенія раздѣляютъ: преосвящ. *Филаретъ* черниг. (Истор. Рус. Церкви, періодъ 1. § 37. изд. 4), *Неволинъ* (Сочин. т. VI. стр. 415—416), неизвѣстный авторъ статьи «о первоначальномъ составѣ славянской Кормчей книги» (въ Христ. Чтеніи за 1851 г. т. 1) и преосвящ. Макарій въ 1 томѣ своей Исторіи Рус. Церкви (стр. 115).

(²) Обозрѣніе Кормчей, изд. 1 (1829), стр. 51—55; изд. 2 (1839) стр. 46—48.—Розенкампфу слѣдуютъ *Калаиновъ* въ сочиненіи «о значеніи

трудно, безъ самостоятельной провѣрки того и другаго мнѣнія—по источникамъ первой руки, опредѣлить сравнительную твердость основаній, на которыхъ налѣзъ вопросъ разрѣшается и такъ и иначе, видно изъ слѣдующаго недавняго примѣра въ нашей исторической литературѣ. Преосвященный Макарій въ I томѣ своей «Исторіи Русской Церкви» слѣдуетъ митрополиту Евгенію, а въ V-мъ—Розенкампу. Тамъ мы читаемъ: «тогда же (при Владимірѣ и Ярославѣ) могъ перейти къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ прочими церковными книгами, и помоканонъ Іоанна Схоластика, переведенный на славянскій языкъ еще св. Меѳодіемъ и дополненный изъ другихъ древнихъ греческихъ сборниковъ (синодиковъ), существовавшихъ до Фотія: доказательствомъ тому можетъ служить древнѣйшій рукописный памятникъ церковнаго Канона въ Россіи, по письму относимый къ XIII столѣтію, но по содержанію, составу и языку южно-славянскому, несомнѣнно восходящій къ самому началу не только Русской, но и Болгарской Церкви (IX—X в.). Существованіе же церковныхъ правилъ на славянскомъ языкѣ во дни в. князя Ярослава подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ новгородскаго инока Зиновія (XVI в.), который самъ видѣлъ и читалъ списки этихъ правилъ того времени, и называетъ ихъ «правилами древняго перевода, переписанными при Ярославѣ князѣ, Владиміровѣ сынѣ, и при епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли», также—«правилами первыхъ переводчиковъ, которые переписаны быша въ лѣта великаго Ярослава, сына Владимірова». Да и не вѣроятно, чтобы Ярославъ, который, по свидѣтельству преп. Нестора, любя церковные уставы, «собра писцы многи и преклалаше отъ Грекъ на славянское письмо и списа книги многи», не позаботился о списаніи или даже о переводѣ съ греческаго церковныхъ правилъ, необходимыхъ для руководства вѣрующихъ»⁽³⁾. Но дойдя съ своимъ почтеннымъ трудомъ до второй половины XIII в., авторъ вступаетъ въ полемику съ самимъ собою (хотя, впрочемъ, и не указываетъ на себя лично), подвига-

Гормчей въ системѣ древ. рус. права» (примѣч. 34, стр. 85) и преосвящ. Макарій въ V томѣ своей Исторіи (стр. 1—10 и прилож. 1.).

(³) Исторія Рус. Церкви. Т. 1. стр. 115.

еть строгой критикѣ всѣхъ древнїя свидѣтельства, говорящїя о существованїи у насъ славянскаго перевода церковныхъ правилъ въ предыдущїя два столѣтїя, и находитъ эти свидѣтельства «не довольно рѣшительными и твердыми», такъ что «лучшїя изъ нихъ или наиболѣе достовѣрныя» теперь ведутъ его лишь къ той мысли, что «*нѣкоторые* церковныя правила дѣйствительно извѣстны были тогда у насъ на славянскомъ языкѣ и употреблялись въ *нѣкоторыхъ* мѣстахъ», а отнюдь не даютъ уже права заключать, чтобы у насъ существовали тогда *всѣ* церковныя правила по-славянски или чтобы они находились во всеобщемъ, церковномъ употребленїи» (*).

Что могло произвести такой рѣшительный переворотъ въ сужденїяхъ достопочтеннаго историка нашей Церкви? Слѣдующїя слова, сказанныя митрополитомъ Кирилломъ II на владимірскомъ соборѣ 1274 года: «азъ Кюриль, смѣренный митрополитъ всея Руси, многа убо видѣнїемъ и слышанїемъ (дозналъ) неустроенїя въ церквахъ, ово сїце държаща, ово инако, несъгласїя многа и грубости», происходящїя, между прочимъ, «отъ неразумныхъ (непонятныхъ) правилъ церковныхъ. *Помрачени бо бяху преже сего облакомъ мудрости елиньскаго языка*». При такихъ обстоятельствахъ, митрополитъ Кириллъ, еще за нѣсколько лѣтъ до владимірскаго собора, обращался къ болгарскому деспоту Іакову Святиславу съ письменною просьбою о присылкѣ на Русь славянскаго номоканона⁽⁵⁾. И вотъ, когда желанная книга была, наконецъ, получена а, можетъ быть, уже и списана для епархїальныхъ архїереевъ, русскїй первосвятитель, противоцполагая прежнїя времена невѣдѣнїя церковныхъ правилъ настоящему положенїю дѣла, торжественно свидѣлствовалъ на томъ же соборѣ: «нынѣ же (церковныя правила) облисташа, рекше *истолкованы быша*, и благодатью Божїею ясно сїяють, невѣденїя тьму отгоняюще и все просвѣщающе свѣтомъ разумнымъ». Объясняя эти слова, преосвящ. Макаріій говоритъ:

(*) Истор. Русс. Церкви. Т. V. стр. 3.

(5) До насъ сохранилось отвѣтное письмо Іакова Святислава къ митрополиту Кириллу, при которомъ (письмѣ) посланъ на Русь славянскїй списокъ церковныхъ правилъ. См. у *Розенкампа* въ «Обозрѣнїи Кормчей» изд. 2 стр. 52. Срав. «Описанїе Рум. Муз.», стр. 291—292.

«взявъ во вниманіе, что слово *толковать* весьма часто употреблялось въ значеніи переводить, и сопоставляя выраженія митрополита относительно церковныхъ правилъ, что прежде они были помрачены для русскихъ облакомъ греческаго языка и потому оставались неразумными или непонятными, а теперь ясно сіяютъ свѣтомъ разумнымъ и прогоняютъ тьму невѣдѣнія, мы думаемъ, что здѣсь рѣчь именно о переводѣ правилъ на славянскій языкъ или о томъ, что прежде они были извѣстны въ Россіи на греческомъ языкѣ, а теперь сдѣлались извѣстными и на славянскомъ». Такое пониманіе словъ Кирилла II, по мнѣнію преосвященнаго Макарія (и вмѣстѣ барона Розенкампфа), оправдывается уже тѣмъ историческимъ обстоятельствомъ, что «почти всѣ наши митрополиты и многіе изъ епископовъ въ домонгольскій періодъ были греки», значитъ—«и сами пользовались греческимъ текстомъ правилъ, и оставляли его въ церковномъ употребленіи, не запрещая, впрочемъ, желающимъ пользоваться и славянскимъ переводомъ». Митрополитъ Кириллъ II, какъ догадывается преосвящ. Макарій, могъ даже не знать о существованіи и употребленіи въ Россіи этого перевода правилъ, или если и зналъ, то не былъ убѣжденъ въ исправности его и не считъ благонадежнымъ на него положиться, — потому и рѣшился вытребовать себѣ славянскій списокъ церковныхъ правилъ изъ Болгаріи... Впрочемъ авторъ допускаетъ возможность понимать выраженіе Кирилла II о церковныхъ правилахъ: «истолкованы быша»—я буквально, именно — въ томъ смыслѣ, что прежде эти правила «были невразумительны для русскихъ по несовершенству славянскаго перевода, который былъ затемненъ множествомъ эллинизмовъ, и еще потому, что не имѣли толкованій, а теперь приобрѣтены въ новомъ славянскомъ переводѣ и съ толкованіями, — отъ чего ярко сіяютъ и прогоняютъ тьму невѣдѣнія, хотя (спѣшить оговориться достопочтенный авторъ) эта тьма невѣдѣнія невольно заставляетъ предполагать не одну только невразумительность церковныхъ правилъ для русскихъ въ прежнее время, а совершенную ихъ неизвѣстность или недоступность для разумѣнія». Но не смотря на эту оговорку, преосвящ. Макарій все-таки не отказывается отъ буквальнаго пониманія словъ Кирилла II; напротивъ, утверждаетъ, что и такое пониманіе будетъ «сообразно съ историческими обстоятельствами». «Ибо—говоритъ онъ — если и употреблялся по мѣстамъ въ Россіи

славянскій переводъ церковныхъ правилъ еще въ XI и XII вѣкѣ, то безъ толкованій, которыя въ самой Греціи явились не прежде второй половины XII столѣтія изъ подъ рукъ извѣстныхъ юристовъ — Зонары, Аристина и Вальсамона. А митрополитъ Кириллъ II дѣйствительно получилъ изъ Болгаріи славянскій переводъ правилъ съ толкованіями, подъ именемъ Зонары». Въ окончательномъ итогѣ своихъ соображеній преосвящ. Макарій пытается соединить или, лучше сказать, *отождествить* то и другое пониманіе словъ митрополита Кирилла, именно говорить: «во всякомъ случаѣ, въ первомъ ли или въ послѣднемъ смыслѣ мы будемъ понимать свидѣтельство Кирилла II, мы должны согласиться, что онъ первый ввелъ въ Россіи славянскую Кормчую во всеобщее, церковное употребленіе, — первый приобрѣлъ для русскихъ славянскую Кормчую съ толкованіями» (*).

Признаемся откровенно: мы не видимъ ясно, въ чемъ собственно состоитъ *послѣднее* мнѣніе автора по вопросу: была или не была у насъ славянская Кормчая въ церковномъ употребленіи до временъ Кирилла II? То и другое представляется «сообразнымъ съ историческими обстоятельствами»! Но сообразно-ли съ законами логики такое совмѣщеніе противорѣчій? Видно, древнія свидѣтельства, говорящія объ изначальномъ существованіи и употребленіи у насъ славянскаго перевода церковныхъ правилъ, оказываются, на самомъ дѣлѣ, «довольно рѣшительными и твердыми»; иначе—откуда такая нерѣшительность и нетвердость въ сужденіяхъ самого достопочтеннаго историка нашей Церкви? Правда, онъ повидимому побѣдоносно вышелъ изъ всѣхъ противорѣчій, въ какія поставило его двоякое пониманіе словъ Кирилла II: эти противорѣчія искусно скрываются въ окончательномъ результатѣ всѣхъ соображеній автора, гдѣ высказана (кажется) та мысль, что приобретеніе славянской Кормчей *съ толкованіями* и было собственно началомъ повсюднаго церковнаго употребленія у насъ славянской Кормчей *вообще*. Но въ такомъ случаѣ напрасно было и доказывать, что свидѣтельство Кирилла II можно понимать и такъ и иначе; въ концѣ концовъ оно имѣетъ у автора все-таки одинъ смыслъ, именно—

(*) Ист. Русс. Церкви. Т. V. стр. 3—5.

тотъ, что до времени названнаго митрополита у насъ не было *никакой* славянскоѣ Кормчей въ церковномъ употребленіи.

Если бы мы дѣйствительно не имѣли прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ объ изначальномъ существованіи и употребленіи у насъ греческаго номоканона *въ славянскомъ переводѣ*: то намъ достаточно было бы указать на тѣ историческія обстоятельства, съ точки зрѣнія которыхъ открывается *безусловная необходимость* этого перевода для управленія русскою Церковію въ XI и XII вѣкѣхъ, и потомъ—заключать *a necesse ad esse*. Эта необходимость ни мало не устраняется голословнымъ замѣчаніемъ, что почти всѣ наши митрополиты и *многіе* епископы, въ до-монгольскій періодъ, были родомъ греки, слѣдовательно — лица, не нуждавшіяся въ славянскомъ переводѣ своего номоканона. Церковію управляли не одни митрополиты, и не одни греки. Напротивъ ¹⁾ большинство духовной іерархіи *вообще*, за весь рассматриваемый періодъ, бесспорно состояло изъ людей русскихъ ⁽²⁾. Епископы—греки, въ любой изъ тогдашнихъ епархій, были почти такими же рѣдкими исключеніями, какъ митрополиты—русскіе ⁽³⁾. Это хорошо извѣстно и самому преосвященному Макарію, который за послѣднее столѣтіе перваго періода нашей церковной исторіи, могъ насчитать, по лѣтописямъ, только *трехъ* епископовъ—грековъ (Мануила смоленскаго, Аптонія черниговскаго и Николая полоцкаго) ⁽⁴⁾. Гдѣ же тутъ *многіе* епископы греческаго происхожденія?—Многихъ не могло быть уже потому, что въ XI и XII вѣкѣхъ епархіальные архіереи

(¹) Даже первые духовные іерархи, пришедшіе къ намъ изъ Греціи при св. Владимірѣ, были, по свидѣтельству Іоакимовской лѣтописи, не греки, а болгарскіе славяне. Замѣчательно, что преосвящ. Макарій признаетъ это свидѣтельство заслуживающимъ вѣроятія (Ист. Рус. Церкви. Т. 1. стр. 29. св. 172).

(²) Въ каталогѣ, напримѣръ, новгородскихъ владыкъ, за исключеніемъ перваго—Іоакима (Корсунянина), едва-ли можно указать хоть одного грека. По крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые извѣстны не по одному только имени, несомнѣнно были русскіе (Лука Жидята, Никита, Іоаннъ, Нифонтъ и др. См. объ нихъ у преосв. Макарія въ Ист. Рус. Церкви. Т. II. стр. 12—17. Т. III. стр. 21—25). Тоже должно сказать и о другихъ епархіальныхъ архіереяхъ (См. тамъ же).

(³) Исторія Рус. Церкви, т. III. стр. 234.

избирались не въ Константинополѣ, какъ митрополиты, а у себя дома, и самое право избранія принадлежало или преимущественно князьямъ (какъ во всѣхъ удѣльныхъ епархіяхъ), или исключительно народному вѣчу (какъ въ Новгородѣ съ половины XII вѣка). Въ томъ и другомъ случаѣ выборъ естественно падалъ на людей своихъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо извѣстныхъ. Въ 1183 году митрополитъ Никифоръ поставилъ - было епископомъ въ Ростовъ какого-то *грека* Николая, но мѣстный князь не принялъ его, говоря: «не избраша сего людѣ земли нашея», и требовалъ, чтобы митрополитъ далъ въ епископы Ростову игумена Спасскаго монастыря на Берестовѣ Луку, «смиренаго духомъ и кроткаго». Митрополитъ долженъ былъ уступить. По этому случаю лѣтописецъ высказываетъ тогдашній общій взглядъ на правильный порядокъ избранія въ епархіальныя архіереи и на тѣ рѣдкіе случаи, когда на епископскихъ кафедрахъ являлись неизвѣстные выходцы изъ Греціи, назначаемые непосредственно митрополитами: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но егоже Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхоцетъ и людѣ» ⁽¹⁰⁾. Вообще, разсадниками областной духовной іерархіи были тогда или мѣстные монастыри, или другія обители, славныя на всю русскую землю: одна Печерская лавра, по свидѣтельству владимѣрскаго епископа Симона (въ первой половинѣ XIII вѣка), дала нашей Церкви до 50 архипастырей ⁽¹¹⁾. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, мысль о неупотребительности и даже неизвѣстности у насъ славянской Кормчей, до Кирилла II, представляется, по меньшей мѣрѣ, странною. Она можетъ быть допущена только при одномъ изъ двухъ предположеній: или всѣ епископы изъ русскихъ пользовались греческимъ но-

⁽¹⁰⁾ Пол. собр. лѣт. Т. I. стр. 163; II, 127 —Извѣстенъ также отзывъ лѣтописца о грекахъ, высказанный по поводу политическихъ интригъ черниговскаго епископа Аптонія: «се же молваше имъ (черниговцамъ), льстятъ въ собѣ: *баше бо родомъ гречинъ*». (Т. II, стр. 92).

⁽¹¹⁾ *Калайдовичъ*, Памят. Росс. Слов. XII в. стр. 256: «отъ того, брате, Печерскаго монастыря, писалъ Симонъ къ черноризцу Поликарпу... мнози епископи поставлени быша на всю русскую землю... Аще хоцеша вся увѣдати, почти лѣтописца стараго ростовскаго; есть бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мною близъ 50».

моканопомъ въ подлинникѣ, или управляли своими епархіями безъ всякаго номоканона, въ полномъ невѣдѣніи законовъ церковнаго управленія, на что, повидимому, и жаловался впослѣдствіи митрополитъ Кириллъ II. Но первое—исторически невѣроятно, и здѣсь, пожалуй, мы сами соплемся на Кирилла II, который такъ торжественно свидѣтельствовалъ, что въ *прежнія времена* (т. е. не только въ XIII в., но—какъ думаетъ преосвящ. Макарій—и въ предъидущія два столѣтія) церковныя правила были «неразумны» (непонятны) для русскихъ въ подлинномъ греческомъ текстѣ⁽¹²⁾. Послѣднее—канонически невозможно, и мы опять скорѣе готовы согласиться съ догадкою преосвящ. Макарія, что митрополитъ Кириллъ могъ и не знать о существованіи и употребленіи у насъ славянской Кормчей, — нежели допустить возможность поставленія въ епископы такихъ лицъ, для которыхъ церковныя правила «омрачены были облакомъ мудрости языка», совершенно непонятнаго. Природные русскіе епископы, также какъ и греки, обязаны были предъ своимъ рукоположеніемъ произносить торжественную клятву въ томъ, что они, въ качествѣ церковныхъ правителей, будутъ свято соблюдать всѣ постановленія Вселенской Церкви⁽¹³⁾. Спрашивается: какой смыслъ имѣла бы эта клятва, если бы она обязывала къ соблюденію чего-то непонятнаго и даже недоступнаго личному пониманію клянущагося? И что за епископъ, что за

(12) Сухомлиповъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи «о языкованіи въ древней Россіи» довольно убѣдительно доказываетъ, что въ XIII и XIV ст. знаніе греческаго языка у насъ нисколько не уменьшилось въ сравненіи съ предъидущими вѣками. (Учен. Зап. II Отд. Акад. II. кн. 1. стр. 222 и сл.).

(13) Уже въ греческой Церкви, въ силу древняго канона (Кар. соб. пр. 25), составлена была форма клятвенныхъ обѣщаній, которую должны были торжественно произносить и собственноручно подписывать посвящаемые въ епископы. (См. эту форму у *Леуиклавія* въ «Jus graeco-romanum». Р. I. lib. 6.). Древнѣйшимъ образцомъ русской епископской присяги можетъ служить извѣстное «Исповѣданіе» м-та Иларіона (XI в.). Здѣсь, согласно съ общемою формою епископскихъ обѣщаній, сказано: «вѣрую въ семь сборъ правотоурыхъ святыхъ отецъ: и его же извергоша, и азъ изметаю; и его же прокляша, и азъ проклинаю. *И яже писаніемъ предаша намъ, приѣмлю*». Твор. св. От. 1844. кн. 2. стр. 254.

кормчий Церкви,—не знающій того кормила, которымъ она управляется?

Съ этими вопросами въ особенности нужно отнестись къ тѣмъ случаямъ, когда русскіе люди становились во главѣ всей нашей іерархіи, т. е. дѣлались митрополитами. Правда, до Кирилла II извѣстны только два митрополита, *несомнѣнно* русскіе: Иларіонъ при Ярославѣ I и Климентъ Смолятичъ при Изяславѣ II. Но для нашего вопроса важно не число, а внутреннее историческое значеніе этихъ исключительныхъ случаевъ: въ нихъ, какъ извѣстно, выражалось стремленіе нашихъ великихъ князей и большинства самой духовной іерархіи—освободить *навсегда* русскую Церковь изъ подчиненія константинопольскому патриаршему престолу, предоставивъ право избранія и поставленія митрополитовъ исключительно своимъ—*рускимъ* епископамъ. Возможно-ли было бы задаваться такою мыслию, если бы юная Церковь, съ своими туземными пастырями, еще не имѣла въ своемъ употребленіи общепонятной, т. е. славянской Кормчей, безъ которой она уже никакъ не могла обойтись въ предполагаемомъ состояніи независимости отъ грековъ? Напротивъ, уже самое возникновеніе этой мысли, вполне согласной съ древними канонами ⁽¹⁴⁾, даетъ видѣть, что основные законы церковнаго управленія были хорошо извѣстны русскимъ князьямъ и епископамъ. Дѣйствительно, на соборѣ 1147 года, на которомъ совершилось избраніе вышеупомянутаго митрополита Климента Смолятича, русская партія (составлявшая большинство *двухъ третей*) ⁽¹⁵⁾, доказывая право мѣстныхъ епископовъ изъ

⁽¹⁴⁾ I Вселеп. соб. .прав. 4; VII прав. 3; Антиох. 19. 23; Лаод. 12 в др.

⁽¹⁵⁾ Изъ девяти—*шесть* (См. Исторію Русской Церкви преосвящ. Макарія, т. III. стр. 7). При томъ же, изъ трехъ епископовъ *греческой* партіи только одинъ несомнѣнно былъ *родомъ* грекъ, именно—Мавуилъ смоленскій. Национальность другаго — Космы полоцкаго неизвѣстна. Онъ могъ быть грекомъ только *по убѣжденіямъ*, подобно третьему епископу этой партіи—Нифонту новгородскому, который, по свидѣтельству его житія, написаннаго въ XVI вѣкѣ іеромонахомъ Варлаамомъ, былъ уроженецъ Кіева («отъ окрестныхъ мѣстъ града того») и постриженникъ тамошней Печерской лавры. См. Памят. старинной рус. словесн., изд. *Костомар.* Выпускъ IV, стр. 2.

бирать и поставлять себѣ митрополита, помимо константинопольскаго патріарха, утверждала: «мы знаемъ, что достойтъ сшедшимся епископомъ митрополита поставити». Откуда узнали это русскіе епископы? Конечно, — не изъ современной церковно-византійской практики, въ которой уже давно потеряли свою силу древнія правила объ избраніи и поставленіи митрополитовъ областными епископами, и въ смыслѣ которой греческая партія на соборѣ совершенно справедливо возражала: «не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставитъ патріархъ митрополита» (16). Лѣтопись, очевидно, передаетъ намъ только общую мысль той и другой партіи, не входя въ подробности спора; но мы въ правѣ предположить, что русскіе епископы на соборѣ не ограничивались одною общою и неопредѣленною ссылкой на правила и законы, а приводили ихъ вполнѣ, иначе сказать — читали по Кормчей (17).

Да и сами греки едва-ли могли такъ легко обходиться безъ славянской Кормчей, какъ это кажется съ перваго взгляда. Каждый изъ нихъ, становясь на Руси митрополитомъ или епископомъ, долженъ былъ изучать славянскій языкъ — хоть бы для того, на первый разъ, чтобы совершать на немъ бого-

(16) Пол. собр. лѣтоп. II, стр. 29. 30. — Право избранія митрополитовъ, предоставленное древними канонами собору областныхъ епископовъ (см. прим. 14), въ XI и XII вѣкѣ фактически принадлежало, въ константинопольскомъ патріархатѣ, такъ называемому «водворепному собору» (*σύνodus ενδιμοβος*), который составлялся при патріархѣ изъ митрополитовъ и епископовъ, постоянно проживавшихъ или случайно находившихся въ Константинополѣ (*Balsamon, Comment. ad can. XXVIII concil. Chalced.*).

(17) Здѣсь кстати припомнить совершенно такой же примѣръ изъ нашей церковной исторіи XIV в. Извѣстный любимецъ Дмитрія Донскаго, пощъ Митяй, домогаясь митрополичьего достоинства, внушалъ великому князю: «читалъ я въ правилахъ св. отцевъ и нашелъ тамъ, что дозволено двумъ или тремъ, а тѣмъ болѣе пяти или шести собравшимся епископамъ поставити епископа, а также и первосвященителя; такъ теперь да прикажетъ твоя держава посѣбно собраться епископамъ русской земли, находящейся подъ твоею властью, и они, собравшись, пусть поставятъ меня въ епископы и первосвященителя». Не то-ли самое говорили и русскіе епископы при поставленіи Климента Смолятича? «Азъ свѣде, говорилъ черниговскій епископъ Онуфрій в. кн. Ізяславу, желавшему видѣть Климента на митрополии, — азъ свѣде, яко достойтъ сшедшимся епископомъ митропо-